

Встреча была назначена на час дня на второй день после Нового года. В час дня у дежурной театра Ленкома зазвонил телефон. Телефонোগрамма была от Караченцова следующего содержания: у него не заводилась машина...

Одну машину у него уже угнали. У него и у Янковского. Но потом на автосервисе его жена Люда признала ее в машине со смуглым хозяином. Вместо того, чтобы запомнить номера, она стала доказывать черноволосому гостю столицы, что эти вмятинки, царапинки знакомы ей до боли, чем очень напугала собеседника. Он сел в угнанную машину Караченцова и исчез.

Машины от подъезда Ленкома угоняют постоянно. Еще из машин постоянно сливают бензин... пока в театре идет спектакль.

Мы договорились о встрече между его поездками и спектаклем «Sorry».

«Sorry» поставил Глеб Панфилов специально для Чуриковой и Караченцова. Действие спектакля происходит в морге. Там работает героиня Чуриковой, а герой Караченцова приехал за ней из-за кордона. Героиня в морге пишет стихи.

Зрители кричат вполне заслуженное им «браво».

Сейчас в театре пусто. Театр на гастролях в Челябинске. Караченцов в «Временских музыкантах» не занят.

Он только что вернулся из Франции. И полетел в Америку! Он меняет страны на континенты, спектакли на фильмы, автомобили на самолеты. Но эти полеты он совершает не во сне, а наяву. И даже собирается сняться в фильме «Два письма Господу Богу, или «Неподдельная музыка» с Юлей Курочкиной. Правда, его герою титулованная «Мисс мира» будет сняться в камерах Бутырки.

Он появился в дверях, с мороза, в дубленке с пропиткой, и повел в кафе. У Коли вид был чуть помятый, а глаз почти что не было видно из-за того, что веки слиплись, как «пельмешки».

Чтобы проснуться, он заказал кофе, как оказалось, дорогой и жидкий, и засмолил «Дымок».

— Вас очень трудно заставить дома, если не в отъезде. Потом, когда на вас «напали», вы сказали, что у вас погиб друг и позвоните сами, когда освободитесь.

— Вы позвонили в полвторого ночи!

— Ради Бога, извините, но чаще всего артист — человек ночной. Страна начинает работать в восемь утра. Артист идет на репетицию к одиннадцати. К одиннадцати ночи — заканчивает. Дай Бог, к двум заснуть.

— Кроме работы, чем занята ваша жизнь?

— Работой.

— Что вы делаете в Америке?

— Американцы сняли фильм, где я играю, который с моим английским языком стал для меня испытанием.

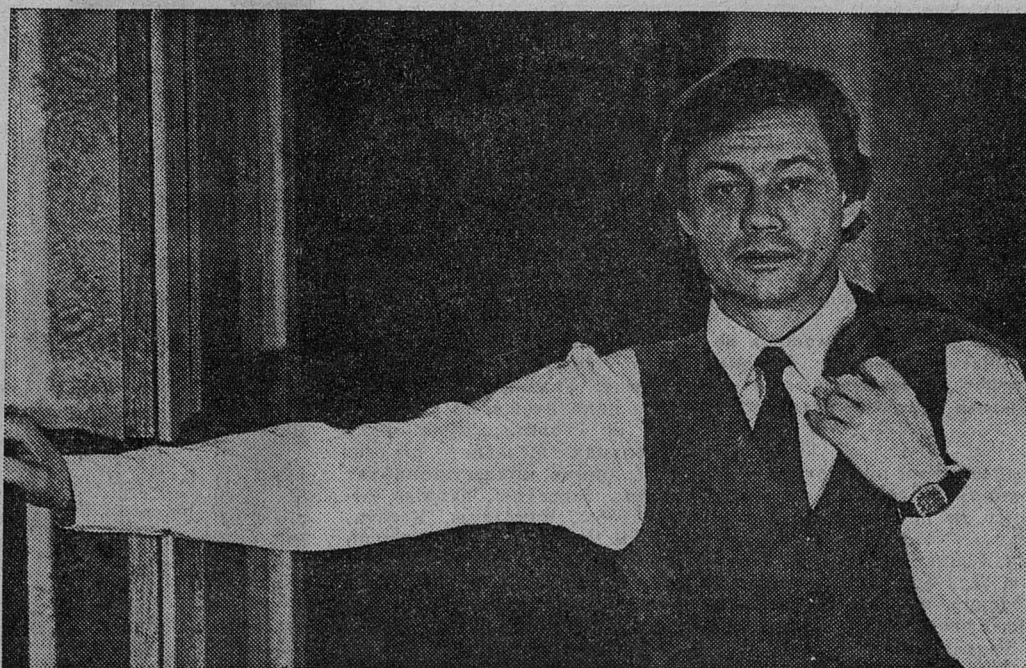
— Это как в случае с Шварценеггером. Его еле научили говорить американцы по-английски. Первый его фильм был вестерн. И критики отметили потом, что он так же немногоголовен, как и его лошадь.

— Я учил французский и немецкий...

— По течению реки плывет обычно дохлая рыба... Вы шли против течения?

У вас всегда была достаточно ровная шкала популярности. На вас не было моды — на сезон, два...

Он только что вернулся из Франции. И полетел в Америку! Он меняет страны на континенты, спектакли на фильмы, автомобили на самолеты. Но эти полеты Николай Караченцов совершает не во сне, а наяву...

Колос. правда. — 1992 — 10 янв.

НОЧНОЙ ЧЕЛОВЕК

— А что ж вы пришли говорить тогда с «дохлой рыбой»? А насчет «течения», «модности» можно поспорить. Я не был еще популярным актером, я еще не начал сниматься, а театр Марка Захарова, где я работал, уже был модным. Я играл в модных спектаклях. «Тиль» — бомба(!), «Звезда и смерть...», «Юнона и Авось» — другие...

Меня кинематограф не знал и знать не хотел. Одно время просто сомневались: кинематично ли мое лицо и можно ли меня снимать? Я не вписывался в рамки тогдашних персонажей, гулявших по нашим экранам. Потом ко мне прилип стереотип отрицательного актера.

Актер — не художник, который может творить на холсте, что он хочет... Наше дело коллективное и зависимое. А самостоятельность — это уже дело выбора, на что я соглашусь, на что нет, как сохранить себя, свое лицо, как не стать всеядным, как не истаскаться. Понятия «мода» и «популярность» меня смущают. Они временны. Часто фальшивы. У нас очень много популярных имен, которые не соответствуют по дарованию и мастерству этому слову.

— Они быстро и лопаются...

— Сколько мне приходилось видеть стариков, которые мечтали только о главных ролях, а сейчас согласны на любую роль, лишь бы выйти на сцену, лишь бы вдохнуть ее запах. Поэтому, если актер снимается ради того, чтобы его узнавали на улице, значит, он не артист.

Я по течению все время плыл в театре, но этот театр все время шел против течения. Каждый спектакль у нас сдавался по несколько раз...

— Когда вы стали знаменитым?

— Я не знаю. Когда заговорила страна... А страна заговорила вначале о моих спектаклях. У меня были фильмы, которые мало кто видел. Я познал «радость» ожидания, когда тебе звонили с «Мосфильма», приглашали

на съемку. Ты после этого не спал ночи, с утра «намыливал морду» на «Мосфильм», приезжал туда. Второй режиссер в черных очках и кожаном киношном пиджаке откровенно не понимал, зачем я ему нужен. Но пробы делал — обещали потом позвонить — и никогда потом не звонили...

Пошло-поехало после того, как Геннадий Полока (он снял «Республику ШКИД», «Интервенцию») сильно мне помог. Он дал мне роль в картине, которая стала фильмом года. Это, возвращаясь к вопросу: по течению ли я плыл...

— Теперь с «Мосфильма» вам считают познание за честь. Когда Костя Нагорный взялся за подготовку к съемкам фильма «Два письма Господу Богу, или «Неподдельная музыка», первым, чем он похвалился перед журналистами, что у него будет играть Коля Караченцов, потом он назвал «Мисс мира» и Друбич. Премьера фильма будет в Канаде, кажется?

— Костя Нагорный вышел на нетрадиционную эстетику, соединяя жанр притчи с спором. Это соединение украинского кинематографа того времени, когда работал Парджанов. Это на уровне эксперимента, но меня это очень заинтересовало, поскольку всякий эксперимент связан с риском, и уже таким образом плывешь против течения (опять возвращаясь к вашему вопросу). Я не знаю, что он за режиссер. Костя — бывший актер. Но он, право, режиссер, который вымучил каждой каплей крови свой фильм. Режиссуре ведь можно учиться и никогда не научиться. Любуйтесь — даже я — может снимать, как снимают 80% наших режиссеров. А это особый дар. Тарковский «смотрит» 2 минуты в лужу, потом показывает глаза ребенка, потом птица летит, потом... черный роуль, женщина... Как это отнять? Ты чуть дольше в лужу посмотришь и «сядешь» в нее. Есть ли это в Косте? Хрен его знает... Но то, что он задумал, он задумал талантливо.

— Сейчас у нашей творческой интеллигенции очень модно стало ездить в Израиль. Вы уже там были?

— Нет еще. Два года зовут. На концерты. Гастроли. Или отдыхать. Вот, может быть, «Sorry» повезем...

— Как вы оцениваете сегодняшнее время?

— То, что это время наступило, — это счастье для нашей страны. Но как оно проходит — это беда для людей, которые в этой стране живут. Я понимаю стариков, из которых сейчас прибавляется армия покойников.

— Вам не приходилось играть коммунистических героев?

— Нет, к сожалению, этот «мусор» не приходилось играть.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что актер должен все играть. Если не сыграл, то чего-то не сыграл навсегда. Хотя какого-то парторботника с шахты приходилось изображать.

— А что вы читаете?

— Я читал раньше запоем. А сейчас нет. Мне надо успеть. Массу сценариев я должен проглотить, чтоб предметно отказаться или согласиться...

Я должен прочитать всю прессу. Иначе потеряется острота новизны. Но раньше я «падал» от каждой смелой строчки. А теперь падаю от другого. Не знаю, читали ли вы в прессе о том, что чуть не умерла Алла Пугачева. Заметка в разделе хроники сообщала, что певица решила сделать пластическую операцию на всем теле — и вдруг ей стало плохо. Мне бы было неприятно читать, что я отрезал живот, выправил ноги. Ей было бы гораздо приятнее читать о том, что ее два месяца не видели, как она после этого похудела. Эта интонация претит мне как человеку.

— Пресса писала о том, что Абдулов хотел открыть пельменный. Получилось у него? Вы не затевали коммерческие дела? И как вы на все это смотрите?

— У меня нет таких дан-

ных. А он открыл ее. И давно находится в какой-то коммерческой структуре и довольно удачно в ней существует. Мне предлагают много вариантов: от президента фонда до организации своей фирмы. Делать носки и майки. А потом, прикрывшись благим делом, что я помогаю молодым актерам, умножать доход. Но, предположим, у актера нет такой потребности? Тогда почему бы ему за то, что он владеет уникальным делом, которому, в общем-то, не научить никогда, не платить так, чтобы он не чувствовал себя униженным? Чтобы он не ездил в троллейбусе «зайцем», где каждый раз перед глазами прыгает объявление, что «Требуются...» или «Приглашаем» научить водить троллейбус и первая стипендия в два раза больше, чем у него зарплата... Вот сейчас елочная кампания. И наши актеры и там «зайчиками» скачут, чтобы их дети что-то ели.

— У вас есть хобби?

— У меня нет на него свободного времени. А вообще я играю в теннис.

— Какой тип женщины вам нравится?

— Ну знаете... Ведь мы сотканы из нервов и мышц (Пауза. Потом задумчиво). Образу женщин можно перебирать без конца — с ветерком, с матерком да с портвейном... пока не коснетесь реального человека. Вот вы скажете, что любите высоких брюнеток, а завтра сойдете с ума от какой-нибудь миниатюрной блондинки и будете всю жизнь «под ее каблучком». Правда, вы вскоре обнаружите, что у нее кривые ноги, и глаза в очках, но что-то в ней есть такое: шарм? Ради них мы чистим зубы и пытаемся быть остроумными.

— Что вы любите пить?

— Вы имеете в виду алкогольные напитки?

— Не только...

— Тогда то же, что и все.

Чай, кофе, молоко. Сумасшедшим образом я поглощаю воду. За ночь могу выпить кувшин воды. Я водолюб. Из спиртного? Я дурно воспринимался, и мне неважно, какой напиток, лишь бы «градусный». Профессионал, к сожалению или к счастью, должен считать время, место и количество приема спиртного. Если у меня завтра в восемь часов съемка, то я лишние сто граммов лучше вылью в ведро. Если я выпью рюмку прямо перед сценой или на съемках, начинаю срабатывать комплексы: а) от меня будет пахнуть, б) у меня будет заплетаться язык, в) я должен при всем этом соображать и думать.

— Кто вы по гороскопу?

— Скорпион. Это же сразу видно...

— Вы, должно быть, властный и тщеславный?

— Я думаю, что честолюбивый. Я могу переживать, что сделал что-то хуже другого. Могу сильно завидовать: почему ему дали Госпремию, а не мне. Могу получать удовольствие от свершений в профессии и очень не хочу разговаривать, что я что-то на этой профессии заработал благодаря ей.

— Тогда вы — счастливый человек?

— Я не знаю, что это такое. Но есть ощущение бешеной радости, когда ты стоишь перед залом и чувствуешь, что хорошо сегодня сыграл, а рядом кто-то плачет, кто-то аплодирует... А завтра, может быть, все наоборот... И тогда уж заснуть к двум часам ночи вряд ли удастся.

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.

Фото С. Кузнецова